

Образъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, какъ учителя.

(Окончаніе).

VI. Въ притчахъ мы указали одну изъ главныхъ характеристикныхъ чертъ, отличающихъ способъ ученія Спасителя отъ нашего обыкновеннаго образа рѣчи. Мы говорили о нихъ не только для того, чтобы выяснить свойства божественнаго учительства, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы дать поводъ людямъ, приставленнымъ къ дѣлу учительства, подумать о томъ, нельзя ли имъ усвоить чего для своей практики изъ высокаго божественнаго образца. Это желаніе практическихъ примѣненій той методы, какая усматривается нами въ учительской дѣятельности Господа Иисуса Христа, руководить нами, когда мы смѣлою рукою разчленяемъ и анализируемъ цѣльный высокій образъ.

Переходя къ другимъ частностямъ, видимымъ въ этомъ образѣ, мы скажемъ благоговѣйному дѣятелю церковнаго слова, желающему учиться плодотворной практикѣ изъ примѣра небеснаго Учителя, что онъ не долженъ ограничиваться одними нарочитыми, торжественными изложеніями своего ученія, но обязанъ пользоваться всякими, повидимому самыми мелкими случаями для сообщенія своихъ назиданій нуждающимся въ нихъ. Ученіе Спасителя не все и не единственно заключается въ длинныхъ, нарочитыхъ бесѣдахъ. Значитель-

*

ная часть его содержится въ случайныхъ выраженіяхъ, сказанныхъ какъ бы мимоходомъ, по вызову того или другого, нечаянно встрѣтившагося, обстоятельства. Каждый вѣрующій христіанинъ съ услажденіемъ читаетъ и воспоминаетъ такія многосодержательныя рѣчи, богатая самымъ чистымъ правдоученіемъ, какою служить нагорная бесѣда; всякій съ удивленіемъ и полнотою вѣры преклоняетъ свой умъ предъ тѣми возвышенными уроками богословія, какіе преподавалъ своимъ избраннымъ ученикамъ Господь нашъ, и какіе сохранены для насъ евангелистомъ Іоанномъ. Но память вѣры хранитъ не одни эти парочитые уроки, содержащіеся въ длинныхъ учительскихъ бесѣдахъ. Слово Спасителя принимало разнообразную форму явленія, и при этомъ разнообразіи случайныя выраженія, обязанныя своимъ происхожденіемъ какому либо неожиданному толчку, занимаютъ въ немъ очень видное мѣсто. Народная мудрость часто создаетъ и пускаетъ въ оборотъ полновѣсныя выраженія, мѣтко и рельефно представляющія какую либо сторону нравственной человѣческой жизни. По своей мѣткости обозначенія вещи, по силѣ мысли, нашедшей для себя рельефную наглядную форму, такіа выраженія получаютъ лѣтѣзную вѣковѣчную твердость, и переходятъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, столѣтія служа для безчисленнаго множества частныхъ лицъ готовымъ правиломъ и выѣскою народной мудрости. Такимъ неизгладимымъ выраженіямъ, запечатлѣннымъ силою народнаго генія, подобны многія краткія присловія, сказанныя Спасителемъ въ отвѣтъ на какой либо вопросъ или въ разъясненіе какого либо обстоятельства. При всей своей краткости, они полны неизчерпаемой глубины и какъ бы однимъ движеніемъ мастерской кисти рисуютъ и наглядно представляютъ предъ нами нравственную жизнь на значительной широтѣ ея проявленія, со множествомъ сложныхъ отношеній, до мѣткаго и мудраго

слова не ясныхъ для обыкновеннаго ума. При всей случайности и внезапности своего происхожденія, они съ-разу получаютъ несокрушимость, по причинѣ разительной силы мысли, умѣвшей заключить широкое содержаніе въ двухъ-трехъ словахъ. Воображеніе слушателей поражается глубиною пониманія и мѣткостью представленія; ему чувствуется, что слова божественнаго Учителя именно тѣ слова, какихъ оно искало, чтобы выразить извѣстное правило или уяснить извѣстное отношеніе вещей,—искало, но не находило. Слыша ихъ въ первый разъ, оно встрѣчаетъ ихъ какъ нѣчто родное, что давно носилось предъ нимъ, но чего оно какъ-то не умѣло уловить; оно радуется, какъ своей находкѣ, явленію предъ нимъ новаго, сильнаго и мѣткаго выраженія, безъ труда улаживающаго смутную область его представленій, крѣпко хватается за него и хранитъ его, какъ святыню. Одна группа,—группа непосредственныхъ слушателей передаетъ умное и мѣткое присловье другой группѣ,—и эта встрѣчасть его съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и первая, и разъ услышавши его, не хочетъ разстаться съ нимъ, какъ съ своимъ старымъ, но вновь найденнымъ и несамѣйнымъ сокровищемъ. И случайное выраженіе, отмѣченное силою ясности и глубины божественнаго ума, пошло жить во вѣки вѣковъ, оживая въ памяти людей, поколѣній и народовъ всякій разъ, когда нужно бываетъ человѣку опредѣлять предметы или отношенія, подпавшія наблюденію божественнаго ума. Какъ маякъ, освѣщающій темное море неизвѣстному путнику,—божественное слово: оно стоитъ надъ уровнемъ нашего обыкновеннаго шаткаго пониманія, освѣщаетъ путь-дорогу нашей мысли,—и смотря на-него или вспоминая его, избѣгаетъ опасныхъ блужданій, избѣгаетъ напраснаго труда исканія добраго пути тотъ, кто безъ этого указателя не зналъ бы, куда идти и чѣмъ руководить себя. Теперь горитъ возженное Спасителемъ

слово,—смотри на него, и предъ тобою осыщаются нравственные пути твоей жизни. Въ евангельскихъ присловіяхъ несокрушимой твердости еще больше, чѣмъ въ народныхъ пословицахъ и присловіяхъ. Эти,—порожденія народнаго гения,—обыкновенно сливаются съ языкомъ и живутъ въ предѣлахъ одного языка и одного народа, пока только живъ этотъ народъ и пока онъ говоритъ своимъ языкомъ. Но евангельскія изреченія, запечатлѣнные силою божественнаго Духа, переходятъ за предѣлы одного языка и одного народа: они падаютъ въ душу глубже, чѣмъ явленія языка, отличающія одинъ народъ отъ другаго, и утверждаются тамъ, гдѣ находится начало нравственности и челоѣчности, общее людямъ всѣхъ націй и племенъ. Отъ того они являются достояніемъ всѣхъ народовъ и не умрутъ дотолѣ, пока живетъ христіанство и челоѣчество. Они—законъ и руководство для всѣхъ временъ и націй, и потому всѣ языки даютъ имъ красное мѣсто въ ряду своихъ неизбѣмыхъ руководственныхъ выраженій, вносящихъ ясность и силу въ мысль народа.

Мудрыхъ изреченій Господа Іисуса Христа, имѣющихъ значеніе твердыхъ неизбѣмыхъ формулъ и руководственныхъ правилъ нравственнаго сознанія челоѣчества, весьма много хранить благоговѣйная память христіанской вѣры, и почти всѣ они сказаны были по случайному вызову, всѣ какъ бы мгновеннымъ блескомъ молніи освѣтили темную сферу челоѣческой мысли. Говорятъ Ему, что Его ожидаютъ и ищутъ внѣ храма Его мать и братья, и Онъ въ отвѣтъ на это спрашиваетъ: кто мать моя и братья мои? И потомъ, посмотрѣвъ на сидящихъ вокругъ Себя, говоритъ: *Се мати моя и братья моя: иже бо аще сотворитъ волю Божію, сей братъ мой и сестра моя и мати ми есть* (Марк. III, 34. 35). Встрѣчаетъ Спасителя въ своемъ домѣ нѣкая жена Марѳа, хлопочетъ объ Его угощеніи, и видя сестру свою съ внима-

ніємъ припадшею къ ногамъ Его и слушающею Его слово, просить Его сказать сестрѣ, чтобы она помогла ей. И кто не помнитъ мудраго отвѣта Спасителя на эту просьбу? Какъ часто пользовались и пользуются имъ люди разныхъ племенъ и вѣковъ въ разъясненіи недоумѣній, вызываемыхъ нашими будничными заботами? Сколько поученій писано на слова: *Марѳо, Марѳо, печешися и молеши о мнозѣ: едино же есть на потребу, Марія же благую часть избра, яже не отыметъ отъ нея?* (Лук. X, 41. 42). Видитъ Спаситель, какъ въ сокровищницу храма кладутъ богатые люди дары отъ имѣній своихъ, и какъ подходитъ къ ней бѣдная вдова, которая кладетъ двѣ лепты, т. е., двѣ мелкія монеты. Онъ не пропускаетъ этого случая, чтобы сказать народу нужное назиданіе, и говорить: *воистину глаголю вамъ, яко вдовица сія убогая множае всѣхъ вверже: вси бо сіи отъ избытка своего ввергоша въ дары Божии: сія же отъ лишенія своего все житіе, еже имѣ, вверже* (Лук. XXI, 3. 4). Восклицаетъ одна жена, восхищенная сладостію ученія Спасителя: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссала*. Господь эту похвалу доброй женщины обращаетъ въ назиданіе всѣхъ, говоря, какъ бы въ отвѣтъ на это: *тѣмъже блаженни слышащии слово Божіе и храняще е* (Лук. XI, 27. 28). Или видитъ Господь дитя предъ собою, поставляетъ его предъ окружающими Его учениками и говорить: *аще не обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Матѳ. XVIII, 3). Или припомните изреченія: *воздадите кесарева кесареви и Божія Божии* (Матѳ. XXII, 21)... *Еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Матѳ. XIX, 6). *Удобѣе есть вѣлбуду сквозъ илгину уши проити, неже богатую въ царствіе Божіе вѣити* (Матѳ. XIX, 24).. *Дондеже преидетъ небо и земля, дондеже єдина или єдина черта не преидетъ отъ закона, дондеже вся будутъ* (Матѳ. V, 18) и проч.. Всѣ эти выраженія

адамантовой крѣпости и солнечнаго блеска. Не легко простому обыкновенному уму съ подобною силою и мѣткостью выражать внутреннее содержаніе нашей мысли, на память и поученіе вѣкамъ и народамъ. По крайней мѣрѣ пусть каждый, призванный къ церковному учительству, подобно лучшему и единственному Наставнику всѣхъ, пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы сообщать полезное назиданіе людямъ, ядущимъ отъ него этого назиданія.

VII. Есть чему поучиться у Господа Іисуса Христа, въ записанныхъ Его бесѣдахъ, и касательно употребленія св. Писанія. Учителю церкви необходимо постоянно обращаться къ книгамъ св. Писанія; потому что оиѣ основаніе нашей вѣры, главный авторитетъ, которымъ мы должны повѣрять предъ собою, доказывать и утверждать предъ другими свое ученіе и пониманіе истины. Между тѣмъ какъ часто злоупотребляютъ словомъ Божиимъ, и неумѣлыми руками обращаются съ этою драгоценною святынею! Между современными Спасителю учеными іудеями были пустые схоластики-буквалисты, хвалившіеся знаніемъ того, сколько разъ въ Библии или какой либо книгѣ Писанія повторяется извѣстная буква, и въ подобныхъ мелочахъ заключавшіе всю глубину изслѣдованій о св. Писаніи. Были философы-аллегористы, не довольствовавшіеся прямымъ и яснымъ словомъ Писанія, но искавшіе въ немъ особаго таинственнаго смысла: увлеченные духомъ греско-восточной еееософіи, они старались сблизать съ своими философскими убѣжденіями содержаніе богооткровенной книги, или, скорѣе, подчинять его своимъ философскимъ умствованіямъ, и аллегорія у нихъ являлась средствомъ, какъ пельза болѣе пригоднымъ для этой цѣли; посредствомъ нея, какъ посредствомъ какого волшебнаго жезла, они умѣли извлекать изъ текстовъ Писанія всякую мысль, какая только была имъ нужна,

и въ святое слово Библіи не затруднялись влагать игривые помыслы своей самонадѣянной философіи, насѣянной духомъ языческаго эллинизма. Были наконецъ между ними люди преданій, разросшихся въ цѣлыя своды правилъ: они не хотѣли и не могли прямо пользоваться тѣми уроками, какіе дасть слово Божіе. Обычаи и предубѣжденія, нажитыя вѣками и подкрѣпленные сомнительными авторитетами, заслонили отъ ихъ глазъ первоначальный и подлинный свѣтъ божественнаго откровенія, и они приступали къ чтенію и изученію Библіи съ готовыми толкованіями, не вводящими въ духъ Писанія и въ святилище истины, а скорѣе отводящими разумѣніе чловѣка отъ прямиаго пути къ истинѣ. Въ этихъ толкованіяхъ много было то затѣйливыхъ, то смѣшныхъ и пустыхъ, то тяжелыхъ и излишнихъ правилъ и положеній; такіа правила и положенія кучею нарастали въ жизни поколѣній, и такъ какъ ихъ порождалъ не духъ истины, вѣющій въ Писаніи, а произвольныя мысли, часто темной, то изъ нихъ образовалась нестройная масса, давившая умы, но не дававшая имъ руководительной нити, чтобы выдти на свѣтъ Божій изъ того лабиринта, какой они образовали собою. И вотъ въ слѣдствіе этого между учителями іудейскаго народа, почтывавшими за законъ, вѣялись люди, по слову Спасителя, *неведущіе писанія, ни силы Божіей* (Матѣ. XXII, 29).

Господь Іисусъ Христосъ своимъ примѣромъ отвергалъ всѣ подобныя непрямыя отношенія къ книгѣ откровенія и ея содержанію, — и людямъ, не умѣвшимъ обращаться съ нею, показывалъ надлежащій способъ обращенія съ нею.

Въ Его устахъ часто слышались слова Писанія, въ поясненіе или подтвержденіе излагаемаго Имъ ученія, и всякій разъ эти слова были силой, освѣщающею темное сознаніе слушателей.

Когда нужно было Спасителю касаться св. Писанія и пользоваться имъ, Онъ прежде всего старался ввести слушателей или собесѣдниковъ своихъ въ духъ его, разъяснить существенное въ немъ, дать понять его цѣлость. Въ Его рѣчахъ никогда вы не замѣчаете, чтобы Онъ отягощалъ вниманіе слушателей множествомъ частныхъ правилъ, выведенныхъ изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія, какъ дѣлали это книжники-фарисеи; напротивъ всѣ частности, которыя въ фарисейскомъ кодексѣ представлялись разбросанными, только внѣшне сопоставленными между собою, безъ внутренней связи между собою, Онъ сводилъ къ одному цѣлому, въ которомъ яснѣе видно ихъ значеніе и внутреннее соотношеніе между собою, прямо указывалъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ разнообразныя ручьи, образующіе собою совокупность предписаній закона. И послѣ этого для самаго простаго разумѣнія дѣлается ясною та широта закона, на которой такъ часто блуждаютъ, не приходя къ цѣли, и ученые умы, потерявшіе прямой путь къ истинѣ. Не разъ Спаситель, для разумленія слушателей своихъ, въ трехъ, четырехъ словахъ указывалъ, въ чемъ состоитъ сущность закона и пророковъ, т. е., всего св. Писанія. Однажды спросилъ его одинъ законникъ, воспитанный въ преданіяхъ фарисейскихъ: какая самая большая заповѣдь въ законѣ? Въ отвѣтъ на это Господь сказалъ: *возлюбилъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею: сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбилъ искреннаго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдью весь законъ и пророцы висятъ* (Матѣ. XXII, 37—40). Въ другой разъ, разъясняя существенныя требованія ветхозавѣтнаго закона, въ такъ называемой нагорной бесѣдѣ, Онъ приводитъ ихъ къ одному понятному началу: *вся, елика аще помете, да творятъ вамъ человецы, тако и вы творите*

имъ: *се бо есть законъ и пророцы* (Матѣ. VII, 12). Всѣ подобныя выраженія не зажигаютъ ли свѣта въ простомъ разумѣннѣи, приступающемъ къ слову Божію съ яснымъ желаніемъ назиданія? И послѣ этого руководственнаго указанія, не яснѣе ли людямъ становится все то, что потомъ они будутъ встрѣчать на страницахъ Библіи или слышать изъ устъ разныхъ учителей? Кто хочетъ быть понятнымъ и плодотворнымъ учителемъ, для простыхъ людей, тому именно нужно стараться первѣе всего кратко и ясно указать сущность того, что отъ нихъ требуется: послѣ уясненія главнаго, они уже не будутъ затрудняться уразумѣніемъ drobныхъ частности.

Замѣтите еще особенность въ способѣ толкованія Писанія Спасителемъ, при назидательныхъ бесѣдахъ Его съ народомъ. Какъ мудро Онъ людей, слѣпо и безъ размышленія привязанныхъ къ буквѣ, доводилъ до пониманія того духа и содержанія, какое въ ней заключалось. Для этого Онъ во-первыхъ неясное или неправильное пониманіе божественной заповѣди сопоставлялъ съ мѣстами Писанія, подрывающими это пониманіе. Такъ напримѣръ когда фарисеи, замѣтивъ, что ученики Спасителя въ субботу срывали колосья на полѣ и ѣли, говорятъ Ему, что этого, по ихъ правиламъ, не должно дѣлать въ субботу, Спаситель хочетъ разширить ихъ пониманіе закона указаніемъ на мѣста Писанія, не согласныя съ ихъ правилами. *Развѣ вы не читали* (говорить Онъ имъ), *что сдѣлалъ Давидъ, когда взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ? Или не читали ли вы въ законѣ, что въ субботу священники въ храмъ нарушаютъ субботу, однако невинны* (Матѣ. XII, 3—5)? Для этого далѣе Господь Іисусъ Христосъ любилъ приводить, какъ присловіе, слова Писанія, указывающія на существенное и главное въ

законѣ, когда говорилъ съ людьми, рывшимися въ мелочахъ и полагавшимъ все благочестіе въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ и предписаній. Такъ часто повторялъ Онъ слова пророка Осіи: *милости хочу, а не жертвы* (Матѣ. IX, 13. XII, 7), и частымъ повтореніемъ этого пророческаго слова какъ бы будилъ мысль, почивавшую на буквѣ закона и заставлялъ ее вдуматься въ тѣ узкіе выводы, какими она ограничивала духъ закона. Наконецъ Спаситель обращался къ внутреннему голосу человѣческой души, и его свидѣтельство вызывалъ для того, чтобы возвести слушателей своихъ выше слѣпой привязанности къ буквѣ. Фарисеи какъ бы оцѣпенѣли въ тѣхъ механическихъ правилахъ, какимъ они подчиняли свою нравственную жизнь и жизнь всего народа. Въ этомъ подчиненіи обрядовымъ правиламъ замирали живыя требованія ихъ духа. Къ нимъ-то, къ этимъ глухимъ требованіямъ обращался Господь и Учитель, когда хотѣлъ сообщить людямъ внутреннюю силу закона, и возбужденное сердце подсказывало человѣку тотъ смыслъ, какого дотошъ онъ не замѣчалъ въ читаемой имъ буквѣ закона. Психологическій элементъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ средствахъ учительскаго дѣйствованія Спасителя. Онъ замѣтей напримѣръ въ нагорной рѣчи, когда требованіямъ ветхозавѣтнаго закона указывается то широкое значеніе, какое они должны были имѣть, и какого между тѣмъ они не имѣли у іудеевъ, не умѣвшихъ разбирать букву Писанія. И когда разъясняетъ Спаситель букву закона, плохо понятую фарисеями, Онъ ссылается часто на психологическіе мотивы, какъ видно и изъ общаго заключенія этого изъясненія: *вся, елика аще хотите, да творятъ вамъ человецы, тако и вы творите имъ* (Матѣ. VII, 12).

Любимою формою выраженія въ рѣчахъ Господа Іисуса Христа, при приведеніи свидѣтельствъ изъ св. Писанія, была

5. Прилагая призывъ Господа Иисуса Христа, какъ образецъ, къ нашей проповѣднической практикѣ, мы не можемъ игнорировать нѣкоторыхъ видныхъ уклоненій отъ этого образца. Въ исторіи нашей проповѣди послѣднихъ лѣтъ, по отношенію къ употребленію св. Писанія, бросаются въ глаза два

противоположные направленія. Не такъ давно наши проповѣдники любили пестрить свою рѣчь заботливымъ нанизываніемъ текстовъ: въ ихъ рѣчи непрерывно слышался текстъ за текстомъ; отдѣльныя выраженія вырывались изъ одной книги и склеивались съ отрывочными выраженіями другой книги; часто въ одной мысли или въ одномъ періодѣ спаивались усѣченныя выраженія изъ нѣсколькихъ мѣстъ и книгъ Библіи, безъ вниманія къ той связи, какую они имѣютъ въ логическомъ теченіи библейской рѣчи. За этою пестрою, составленною изъ кусковъ, рѣчью почти не видно было живаго слова, служащаго непосредственнымъ выраженіемъ убѣжденій и чувствъ проповѣдника. Какъ ни благовиденъ на внѣшній взглядъ такой библеизмъ, но онъ не опирается на примѣръ нашего божественнаго Учителя: Господь Иисусъ Христосъ не такъ говорилъ и бесѣдовалъ, какъ проповѣдуютъ люди, гонящіеся за текстами для выраженія простыхъ своихъ мыслей, и старающіеся нанизать ихъ какъ можно больше на тему своей проповѣди. Такой библеизмъ—дѣло механической работы: забота о немъ стѣсняетъ и подавляетъ живое естественное движеніе мысли и препятствуетъ сердцу свободно высказывать всю теплоту релігіозныхъ убѣжденій; а другому сердцу между тѣмъ можетъ говорить только живое быющее сердце, теплотою своихъ ощущеній согрѣвающее мертвыя слова. Чужія слова, взятая для выраженія мысли проповѣдника, какъ бы ни были тщательно выбраны, и изъ какой бы достойной книги ни были заимствованы, всегда напоминаютъ общія риторическія формулы,—это своего рода *loci communes*. И къ нимъ прибѣгаютъ обыкновенно, когда не говорятъ, а сочиняютъ проповѣдь; большею частію за богатымъ наборомъ библейскихъ фразъ скрывается скудость живой мысли и даже скудость библейскаго духа. Духовная сила, быющая въ проповѣдникѣ, не станетъ гоняться за внѣшностію библейскаго

выраженія, а скажется въ общемъ тонѣ рѣчи, въ нѣкоемъ вѣяніи благоговѣнія, проникающемъ обыкновенное текучее слово. Не даромъ большая часть проповѣдей, отъ начала до конца испещренныхъ текстами, высматриваютъ такъ холодно, не выразительно и блѣдно, что почти не производятъ впечатлѣнія на слушателей или читателей. Господь Іисусъ Христосъ часто приводилъ въ своей бесѣдѣ слово Писанія, но приводилъ какъ свидѣтельство, какъ подтвержденіе или уясненіе своего ученія. Но при изложеніи ученія, Его святая мысль каждый разъ изъ глубины духа изводила съ собою свое слово, а не заимствовала его готовымъ отъишуды,—облекалась своею одеждою, а не чужою.

Еще менѣе можетъ быть оправдана примѣромъ Спасителя другая крайность, нынѣ входящая въ моду. Если наши старики ужъ слишкомъ часто и безъ нужды украшали свои проповѣди наборомъ библейскихъ текстовъ, то наши молодые проповѣдники совсѣмъ какъ будто хотятъ отрѣшиться отъ Библии, и рѣдко, рѣдко гдѣ приведутъ въ своей церковной бесѣдѣ библейскій текстъ. Слово Божіе—основаніе нашей вѣры и должно быть основаніемъ нашей проповѣди. Текстъ Библии, какъ доказательство или поясненіе нашего церковнаго ученія, можетъ и долженъ стоять въ проповѣди на самомъ красномъ мѣстѣ. Между тѣмъ у насъ появляются проповѣдники, которые какъ будто боятся или стыдятся проронить какойнибудь текстъ, и если дадутъ иногда ему мѣсто, то въ какомъ либо незамѣтномъ углу проповѣди, и когда произнесутъ его, то пожалуй готовы покраснѣть при этомъ, какъ будто отъ какой допущенной ими неловкости. Вмѣсто того, чтобы текстомъ повѣрять себя и свое слово и утверждать это слово предъ слушателями, новые ораторы напротивъ библейскій текстъ хотятъ оправдать и согласить съ современными раціональными воззрѣніями. Такимъ образомъ вмѣсто благо-

говѣнія къ слову Божию является снисхожденіе къ нему; вмѣсто любви къ нему—стыдливая боязнь уронить ссылкой на него предъ избалованнымъ современнымъ слухомъ гуманную само-надѣянную раціональную мысль. Конечно, это ни съ чѣмъ уже не сообразно и ничѣмъ не можетъ быть извинено со стороны проповѣдника! Обстоятельства, побуждающія многихъ проповѣдниковъ чуждаться текстовъ въ своихъ бесѣдахъ, заключаются въ преобладаніи раціональнаго направленія въ нашей современности, для которой слово Библіи утратило свое прежнее всепобѣждающее значеніе и которая въ лицѣ большинства людей, помазанныхъ наукою, цѣнитъ больше естественныя и раціональныя соображенія, чѣмъ авторитетъ и свидѣтельство откровенія. Невольно этому направленію платятъ дань и многіе служители церковнаго слова. А другіе нарочито поддѣлываются подъ вкусъ и тактъ современности, и въ угоду ей обходятъ тексты въ своей проповѣди, ссылаясь на то, что эти тексты не придадутъ силы и убѣдительности проповѣдному слову въ глазахъ образованныхъ современниковъ. По здѣсь и раболѣпство и ошибка со стороны пастыря. Пастырь-проповѣдникъ не подчиняться долженъ дурному направленію мысли или жизни, если видитъ его кругомъ себя. Если Библія унижена въ глазахъ современности, если ея достоинство попирается ногами со стороны надмѣннаго естественнаго просвѣщенія, чей долгъ поднять и возвысить ея значеніе и авторитетъ? Не обязанъ ли тогда пастырь-проповѣдникъ съ особенною настойчивостію обращать вниманіе своихъ слушателей къ богооткровенному слову, и всѣми способами разбивать ихъ неизвинительное пренебреженіе къ источнику нашего истиннаго знанія, нашей вѣры и чистаго пониманія нравственнаго закона?

VIII. Не излишне отмѣтить въ бесѣдахъ Спасителя и

другія проявленія божественной силы и мудрости. Примѣръ небеснаго Учителя освящаль собою всѣ благородныя средства, какими человѣческое искусство старается возвышать и усиливать дѣйствіе учительной рѣчи. Только эти средства не были у Него нарочитымъ предметомъ особенной заботливости, а проявлялись въ Его рѣчи, какъ необходимое и невольное отраженіе Его великой и возвышенной души, совмѣщавшей все богатство и все благородство разумной человѣческой природы, и освѣщавшей это богатство и благородство сіяніемъ своего божественнаго существа.

Многіе удивляются въ историческихъ дѣятеляхъ слова побѣдоносной силлогистикѣ; многіе ораторы прибѣгаютъ къ діалектикѣ, чтобы довести своихъ слушателей до убѣжденія въ излагаемой ими истинѣ. Въ рѣчахъ церковнаго оратора должна говорить за себя святая истина, а не извороженная діалектика. Но если обстоятельства вызываютъ его къ діалектическимъ препирательствамъ, гдѣ найдетъ онъ для себя лучший и болѣе близкій образецъ, какъ не въ евангельскихъ бесѣдахъ Спасителя? Еще на двѣнадцатомъ году своего возраста Господь Іисусъ Христосъ пріятно изумилъ фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ своими вопросами и возраженіями, и мудростію своихъ отвѣтовъ на чужіе вопросы и возраженія. Послѣ этимъ книжникамъ, пріѣздившимъ явленіе необыкновеннаго разума въ двѣнадцатилѣтнемъ отрокѣ, не разъ приходилось испытывать на себѣ поражающую силу побѣдоноснаго слова, когда этотъ отрокъ явился въ качествѣ общественнаго учителя. Такъ однажды всѣ партіи сговорились употребить всѣ способы, чтобы привести въ замѣшательство божественнаго Учителя, овладѣвшаго умами народа, и тѣмъ уронить Его въ глазахъ всѣхъ іудеевъ. Но эти замыслы оболъстать Спасителя словомъ обратились къ посрамленію злоумышлявшихъ противъ Него, и показали бѣдность

и жалкую слабость ученой логики всѣхъ представителей іудейскаго образованія предъ мудростію Спасителя, безъ напряженія отражавшею всѣ нападенія. Первосвященники и старѣйшины народа видятъ, что Онъ пришелъ въ храмъ и началъ учить народъ, подходятъ къ Нему, и спрашиваютъ Его: какою властію Ты это дѣлаешь? И кто Тебѣ далъ такую власть? Господь Іисусъ Христосъ сказалъ въ отвѣтъ вопрошавшимъ Его первосвященникамъ и старѣйшинамъ: *спрошу вы и Азъ слово едино: еже аще речете Мнѣ, и Азъ вамъ реку, кою властію сія творю. Крещеніе Іоанново откуда бѣ? Съ небесъ ли, или отъ человекъ* (Матѣ. XXI, 24. 25)? Такой вопросъ былъ совершенною неожиданностію для архіереевъ и старѣйшинъ народа; онъ привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство, и они не знали, что отвѣчать Тому, надъ гѣмъ хотѣли уже торжествовать побѣду. Они разсуждали между собою: если скажемъ: съ небесъ; то Онъ скажетъ намъ: почему же вы не повѣрили ему? А если сказать: отъ людей,—боимся народа; ибо почитаютъ Іоанна за пророка. И сказали въ отвѣтъ Іисусу: не знаемъ. Тогда сказалъ имъ и Спаситель: *ни Азъ вамъ многою, кою властію сія творю* (Матѣ. XXI, 27). Затѣмъ враги Спасителя должны были выслушать отъ Него три притчи, довольно ясно и сильно обличавшія ихъ недостойнство. Но они все еще не хотятъ отстать отъ своего намѣренія уловить Его въ словѣ: напротивъ неудача только раздражаетъ ихъ и усиливаетъ ихъ злобное лукавство. И вотъ фарисеи посылаютъ къ Спасителю учениковъ своихъ съ иродіанами, и эти говорятъ Ему: *Учитель! мы знаемъ, что Ты справедливъ и истинно пути Божію учиши, и не заботишься объ угожденіи кому либо; ибо не смотриши ни на какое лицо. Итакъ скажи намъ: какъ Тебѣ кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ?* Похвала, съ какою начали рѣчь свою подучившіе фарисеи совопросники, не была

съ ихъ стороны словомъ чистосердечнаго признанія. Она рассчитана на то, чтобы затруднить и сдѣлать безвыходнымъ положеніе Учителя истины. Народъ іудейскій во времена Спасителя тяготился чужеземнымъ игомъ и данью римскому кесарю; неразумные угодники его внушали ему, что у него одинъ истинный царь—это Богъ, и что кто платитъ дань римскому кесарю, тотъ чрезъ это оказывается какъ бы измѣнникомъ Богу. И неразумный народъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія ¹⁾, охотно вѣрилъ безумнымъ наговорамъ: потому что легко вѣрится въ то, чего хочется человѣку. Казалось, что божественному Учителю нельзя было выдти съ побѣдою изъ затруднительнаго положенія: такъ по крайней мѣрѣ думали самонадѣянные фарисеи. Они рѣшили въ умѣ своемъ, что на ихъ вопросъ можно отвѣчать или прямымъ отрицаніемъ или прямымъ утвержденіемъ. Но въ первомъ случаѣ они объявили бы Его бунтовщикомъ, внушающимъ народу неповиновеніе власти; а во второмъ случаѣ они выставили бы Его противникомъ свободы и самостоятельности народа и указали бы на Его безучастіе къ народнымъ страданіямъ и желаніямъ. Что же дѣлаетъ Господь Іисусъ Христосъ въ такихъ обстоятельствахъ? Всѣмъ извѣстенъ Его отвѣтъ на лукавый вопросъ. *Что мя искушаете, лицеѣри* (сказалъ Онъ, замѣтивъ лукавство своихъ совопросниковъ)? *Покажите Ми златицу кинсонную. Они же принесоша Ему тнязъ. И глагола имъ: чій образъ сей и написаніе? И глаголаша ему: кесарева. Тогда глагола имъ: воздадите убо кесарева кесареви, и Божія Божии* (Матѣ. XXII, 16—22). Подступаютъ далѣе къ Господу саддукеи съ лукавымъ возраженіемъ противъ истины воскресенія мертвыхъ. Они приводятъ Ему на память законъ Моисея, по которому братъ долженъ былъ возстановить сѣмя

умершему бездѣтно брату, и представляютъ вѣроятно вымышленный случай,—будто было семь братьевъ, и старшій изъ нихъ, умирая бездѣтнымъ, оставилъ жену свою другому, другой третьему, и т. д. до седмаго: послѣ всѣхъ умерла жена,—затѣмъ спрашиваютъ Учителя: *чью женою будетъ она по воскресеніи?* Господь отвѣчаетъ имъ: *прельщаетеся, не видуще писанія, ни силы Божіа: въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангелы Божіи на небеси суть.* О воскресеніи же мертвыхъ нѣсте ли чли реченнаго вамъ Богомъ, глаголющимъ: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковъ? Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѣ. XXII, 29—32). Саддукеи послѣ этого отошли отъ Господа посрамленные, и народъ дивился силѣ слова Христова. Но и послѣ этого нашелся одинъ законникъ, который рѣшился искусить божественнаго Учителя. Онъ спрашиваетъ Спасителя: *какая самая большая заповѣдь въ законѣ,*—и получаетъ въ отвѣтъ указаніе на заповѣдь о любви къ Богу и о любви къ ближнему (Матѣ. XXII, 35—41). Допустивъ своихъ противниковъ искушать Себя словомъ, и безъ труда отразивъ всѣ ихъ нападенія, Господь благоволилъ Самъ предложить имъ на рѣшеніе одинъ вопросъ. Онъ сказалъ имъ: *что вамъ мнится о Христѣ? Чій есть сынъ?* Они отвѣчали Ему: *Давидовъ.* Но Господь говоритъ имъ: *како убо Давидъ духомъ Господа его нарицаетъ? ..Аще убо Давидъ нарицаетъ его Господа, како сынъ ему есть?.. И никтоже* (замѣчаетъ евангелистъ) *можаше отвѣщающа ему словесе: ниже смѣяше кто отъ того дне вопросити Его* (Матѣ. XXII, 42—46).

IX. Если кто ищетъ силы и трогательности въ словѣ, если кто самъ хочетъ научиться говорить сильно отъ сердца,—пусть читаетъ обличительную рѣчь Господа фарисеямъ (Матѣ. XXIII) или послѣднюю бесѣду Его съ учениками (Іоан. XIV.

XV, XVI, XVII). Та и другая донныѣ производить на слушателей или читателей поражающее впечатлѣніе, и всегда способна настраивать челоѣка съ душою на особенный тонъ благоговѣйнаго умиленія, и только развѣ безчувственный или грубый въ религіозно-нравственномъ отношеніи челоѣкъ можетъ сохранять спокойное равнодушіе, когда раздаются предъ его слухомъ сильныя и трогательныя слова, отражающія въ себѣ бѣненіе и волненія возвышенно-божественнаго сердца.

Мягкостію любви всегда отмѣчено было слово Господа и Спасителя нашего. Когда Онъ, ведя людей по пути исправленія къ нравственному совершенству, встрѣчалъ въ нихъ слабости и невольныя ошибки, снисходительностію было проникнуто Его обличеніе. Часто прикровенные образы притчи умягчали ту рѣзкость и боль, какая неразлучна съ правдою обличенія. Но если не дѣйствовали кроткія и снисходительныя увѣщанія, если противъ нихъ выступали съ ожесточеніемъ закоснѣлой въ упорствѣ души, тогда мягкая снисходительность уступала мѣсто грозному величію строгой правды. Для труднаго дѣла обличенія, неизбѣжно предстоящаго проповѣднику на поприщѣ его служенія, мы имѣемъ въ рѣчахъ Спасителя образцы всѣхъ возможныхъ родовъ и степеней. Обличительная рѣчь фарисеевъ служитъ высшимъ образцомъ самаго сильнаго обличенія, какое только являлось въ формѣ челоѣческаго слова.

Всѣмъ извѣстна эта рѣчь. Учители народа, считавшіе себя высшими представителями религіознаго сознанія и религіозной жизни въ избранномъ племени, вызвали это грозно-величественное слово. Предъ божественнымъ, возвышеннымъ взоромъ Спасителя вполне открыта вся жалкая ничтожность этихъ слѣпыхъ, но гордыхъ вождей народа: за учительскою самонадѣянною ихъ властію Онъ видѣлъ всю мѣлкость и густоту ихъ взгляда на существованіе. И въ этотъ моментъ и

существеннѣйшія требованія закона. Слава въ народѣ, сни-
сканная ими ихъ внѣшнимъ благочестіемъ, не скрывала отъ
Него ихъ внутренняго безобразія и мертвеннаго бездушія.
Скорбѣлъ Онъ о ихъ слѣпотѣ и бѣдствіи народа, вѣреннаго
ихъ водительство. Не разъ пытался Онъ поднять ихъ отъ
той тины, въ какой они вращались сами, и въ какой хотѣли
держать народъ. Но не было отклика на этотъ благодѣтель-
ный и спасительный зовъ. Напротивъ ожесточеніе вымышляло
разныя средства, чтобы погубить Учителя, мѣшавшаго ихъ
нравственной дремотѣ. Оставалось послѣднее средство, кото-
рымъ можно было воспользоваться, чтобы вывести людей изъ
нравственной дремоты,—и къ нему обратился Господь нашъ,
когда злоба мелкихъ, но гордыхъ враговъ Учителя благодати
испробовала всѣ хитрыя махинаціи, чтобы уронить Его авто-
ритетъ предъ народомъ и показать предъ всѣми силу своего
ума и знанія. Скорбію и негодованіемъ исполняется боже-
ственная душа, при видѣ этой злобы, этой мѣлочности и ничтож-
ности враговъ истины, слывущихъ у народа великими правед-
никами и глубокими знатоками закона. Потрясенная душа
начинаетъ разоблачать мнимое величіе и внѣшнюю красоту
этихъ гробовъ повапленныхъ, и грозными волнами, напоми-
нающимъ устрашающую бурю, течетъ праведное слово силы
изъ возбужденнаго сердца. Когда вы слышите: *горе вамъ,
книжницы и фарисеи лицемеры*, повторенное нѣсколько разъ
предъ каждымъ частнымъ обличеніемъ,—предъ вами предста-
вляется божественное величіе небснаго Учителя, съ глубокою
скорбію на лицѣ и праведнымъ негодованіемъ во взорѣ,—и
не только слухъ, вапа душа всецѣло поражается этими равно-
мѣрными волненіями рѣчи, которая соединяетъ и раздѣляетъ
одно грозное, часто повторяемое слово: *горе вамъ, книжницы
и фарисеи лицемери*. Волненія души, раскрывшейся такимъ
сильнымъ словомъ, сообщаются вашему сердцу, и въ немъ

вызываютъ настроеніе, соотвѣтственное общему тону, проходящему по всей рѣчи. Съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждымъ новымъ обличеніемъ усиливается напряженіе и волненіе слушателя, и оно достигаетъ высшей степени, когда Господь, окончивши рѣчь о пустотѣ и ничтожности слѣпыхъ вождей Израиля и объ ихъ жалкомъ самообольщеніи, на минуту умолкаетъ, и потомъ, болѣе обыкновеннаго возвышая голосъ, произноситъ грозно-величественное и вмѣстѣ трогательно-умилительное заключительное слово: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки, и каменіемъ побивавый посланныя къ тебѣ! Какъ часто восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошь птенцы своя подъ крыль, и не восхотѣсте? Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѣ. XXIII, 37. 38)...

Мы боимся дѣлать какія либо примѣненія и выводы для нашей обыденной практики изъ этой строго-обличительной рѣчи Спасителя. На ней лежитъ печать божественнаго имени и божественнаго властительства, по которой она представляетъ изъ себя неподражаемое проявленіе силы выше-человѣческой.

Но и въ предѣлахъ человѣческой власти п пастырскаго полномочія желательна иногда потрясающая сила обличенія. Конечно, не вдругъ, не при первомъ приступленіи къ исправленію порочныхъ церковныхъ обличитель настроить на строгій и грозный тонъ свою рѣчь: духъ любви и кротости долженъ руководить имъ на всѣхъ путяхъ его служенія, и онъ долженъ подсказывать ему, что и какъ онъ долженъ говорить съ людьми, ввѣренными его нравственному водительству. И только послѣ истошанія словъ кроткаго наставленія, при видѣ ожесточенія порока, или при неисправимой слѣпотѣ самообольщенія уместно и согласно съ духомъ любви потрясти упорство и попытаться строгостію спасти невнимательныхъ отъ гибели. Такой примѣръ указанъ намъ по крайней мѣрѣ Господомъ, котораго любовь долго терпѣла фарисейскій гор-

дости, ихъ нравственному ничтожеству и веденію народа не на спасеніе, а на погибель, и только въ концѣ земнаго служенія Его, послѣ истощанія кроткихъ мѣръ къ ихъ исправленію, обращалась, для возбужденія усыпленныхъ, къ бичу строгаго и грознаго обличительнаго слова.

Потрясающей силѣ обличительнаго слова, когда она требуется въ церковной рѣчи, нельзя научиться технически изъ какихъ либо формальныхъ правилъ и словесныхъ указаній. Здѣсь немного значить и примѣръ, къ которому могъ бы обратиться за подражаніемъ учитель церкви. Патетика— слово сердца, и исходитъ только изъ сердца, и всегда слѣдуетъ его движеніямъ и волненіямъ. Нужно имѣть широкое и глубокое сердце, нужно воспламенить его ревностію ко славѣ Божіей и любовью къ человѣчеству, готовою на самопожертвованія, чтобы ваше слово было способно разливаться сильными топами, потрясающими до глубины души слушателей.

И въ другихъ случаяхъ, когда учителю вѣры нужно не обличать, а утѣшать и наставлять, всерѣзняющимъ условіемъ дѣйственности слова является внутренняя сила и теплота благоговѣйной и любвеобильной души. Скорбное сердце нигдѣ не найдетъ столько благодатной отрады и успокоенія, сколько даетъ ихъ послѣдняя прощальная бесѣда Спасителя съ учениками. Эта бесѣда полна трогательной силы утѣшенія именно потому, что въ ней вѣсть и дышетъ та жизнь, которая исходила изъ святыни божественнаго сердца Христова,— потому что въ нее перелилась безконечная любовь Спасителя къ тѣмъ людямъ, за которыхъ Онъ во время бесѣды готовился пострадать на крестѣ, и въ особенности къ тѣмъ приснымъ своимъ, которые все для Него оставили и всѣ надежды на Него возложили, и которыхъ между тѣмъ послѣ Его смерти ожидали страданія и гоненія. Мы не будемъ подвергать это

бору, какому подлежатъ слова и произведенія человѣческія (оно извѣстно всякому вѣрующему во Христа, и сто кратъ должно быть прочувствовано благочестивою душею), но не можемъ не указать на то умилительно-торжественное заключеніе, какимъ закончилъ Господь свою послѣднюю бесѣду, и вмѣстѣ съ этимъ свое учительское служеніе. При видѣ наступившей кончины своей, Господь Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, которыхъ называть то «чадца», то «други мои», твердымъ, спокойнымъ, но глубоко задушевымъ тономъ сообщаетъ полноту святаго ученія, открываетъ ожидающія ихъ ненависть міра и преслѣдованія со стороны невѣрія, и обѣтованіемъ высшихъ небесныхъ утѣшеній хочетъ дать силу и бодрость не смущаться сердцемъ и не устрашаться, но съ вѣрою въ Бога, съ вѣрою въ Него, Единороднаго Сына, составляющаго едино со Отцемъ, готовится къ труднымъ дѣламъ, какія предлежатъ имъ на пути ихъ призванія. И лишь только кончились эти слова наставленія и утѣшенія, умилившись учениковъ, Господь возводитъ очи свои на небо, и въ присутствіи умиленныхъ учениковъ обращается съ молитвою къ Отцу небесному, и этою молитвою къ Отцу, пламенной, возвышенной и всесильною молитвою Богочеловѣка, утверждаетъ предъ небомъ и землею силу того слова, которое должно было отогнать всякое смущеніе отъ неутвердившагося еще сердца учениковъ Христовыхъ. Эта молитва является прямымъ, непосредственнымъ и естественнымъ продолженіемъ прежней назидательно-утѣшительной рѣчи. Ея содержаніе и ея возвышенный, торжественно-умиленный тонъ вполне подготовленъ складомъ, духомъ и теченіемъ всей предыдущей прощальной бесѣды, и молитва служитъ послѣднимъ и высшимъ проявленіемъ того умиленія и той любви, каковыми дышетъ вся эта бесѣда. Въ ней Богочеловѣкъ проситъ Отца прославленія, славы и чести, и въ послѣднемъ изреченіи, въ

Его ученіе и дѣла; въ ней Онъ молить Отца о тѣхъ, которыхъ Онъ далъ Ему, и о вѣрующихъ въ Него *словесе ихъ ради*, молить, *да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи азъ насъ едино будутъ: да и міръ тпу иметъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. XVII, 20—22).... Такая молитва въ томъ состояніи, въ какомъ находилась душа Богочеловѣка въ минуты послѣдней бесѣды Его съ учениками, Имъ оставляемыми, была естественною потребностію: утѣшительное слово Его въ то время само собою по прямому теченію чувствъ, Его наполнявшихъ, обратилось въ молитвенное воззваніе къ Отцу небесному, и тутъ-то открылось въ немъ все необычайное величіе божественнаго Учителя, предъ которымъ въ благоговѣйномъ молчаніи должны были преклониться малыя и слабыя передъ нимъ сердца человѣческія. Кто можетъ представить болѣе торжественное, болѣе умирительное, болѣе дѣйственное и сильное завершеніе наставительной бесѣды, чѣмъ какое мы видимъ въ священнодѣйственной молитвѣ, закончившей собою глаголы живота вѣчнаго, раздававшіеся предъ человѣческими слухомъ во время Его земнаго учительскаго служенія человечеству?

И наши проповѣдники иногда переходятъ въ молитвенный тонъ, при изложеніи христіанскаго ученія или пастырскихъ увѣщаній народу. Школьные гомилетики формально рекомендуютъ готовящимся въ проповѣдники употреблять молитву въ заключеніи проповѣдей: по гомилетическимъ правиламъ молитва—самая приличная форма для достойнаго заключенія церковной рѣчи. Нѣтъ никакихъ основаній возставать противъ этого отвлеченнаго правила. Но сущность дѣла заставляетъ насъ замѣтить, во-первыхъ, что искусству молиться нельзя научиться изъ правилъ науки: молитва духовное дѣло, которое рѣшительно неудобно устроить по указанію внѣшней техники. Во-вторыхъ, въ проповѣдяхъ молитва

—самое трудное дѣло. У древнихъ отцовъ-проповѣдниковъ рѣдко она является среди или въ заключеніи поучительной рѣчи; обыкновеннымъ заключеніемъ у нихъ служить слово-словіе. Только у такихъ проповѣдниковъ, у которыхъ проповѣдь являлась не столько раскрытіемъ ученія, сколько изліяніемъ и выраженіемъ чувства (какъ напримѣръ у Ефрема Сирина и Епифанія), молитвенное обращеніе къ Богу прерываетъ волнующуюся рѣчь, своимъ характеромъ рѣзко отдѣляющуюся отъ логического спокойнаго изложенія. Конечно, молиться можно проповѣднику, но не всегда и не по закону гомиетики, а по требованію чувства,—не тогда, когда говорить въ насъ одинъ холодный разсудокъ, а когда мы пришли въ состояніе сердечнаго умиленія и довели до этого умиленія своихъ слушателей. Дальше, на церковной каѳедрѣ молиться нужно съ достоинствомъ и благоговѣніемъ. Предметъ молитвы долженъ быть достоинъ высокаго молитвеннаго одушевленія; самый составъ молитвы долженъ быть запечатлѣнъ словомъ священной важности, и въ немъ долженъ слышаться искренній тонъ умиленнаго, проникнутаго благоговѣніемъ, сердца. Голосъ произносящаго молитву долженъ возвыситься противъ обыкновеннаго тона рѣчи, и дать особенную выразительность молитвенному воззванію къ Богу; во всей внѣшности проповѣдника, въ особенности въ его лицѣ, должно быть соблюдено всевозможное благочестивое приличіе, которое бы показывало всѣмъ, что молитва не на устахъ только, но и въ сердцѣ, и прямо вытекла изъ сердца. Но въ наше время рѣдко можно слышать на церковной каѳедрѣ вполне достойную молитву. Наши проповѣдническія молитвы, когда вы слышите ихъ, большею частію состоятъ изъ общихъ мыслей и обыкновенно безцвѣтны и безсодержательны: такъ и видно, что онѣ какъ будто берутся изъ чужаго запаса и являются просто въ удо-

прочимъ мѣсто и молитвъ въ концѣ проповѣди. Кромѣ того, онѣ являются часто совершенно *ex abrupto*: проповѣдникъ что школьному разбирать какой либо предметъ; у него работаетъ одна сухая силлогистика, и нѣтъ никакого намека на живое движеніе чувства. Но вдругъ,—кончается развитіе намѣченныхъ мыслей, и изъ холодного, пожалуй безжизненнаго, тона проповѣдникъ переходитъ къ молитвъ: слушателей поражаетъ въ этомъ случаѣ неожиданность новой рѣчи, но и самая молитва, заканчивающая разсудочный ходъ доказательствъ, обыкновенно малымъ чѣмъ, кромѣ вишняго обращенія, отличается отъ прежняго сухого разсудочнаго изложенія. Это безразличіе между молитвою и простою разсудочною рѣчью, видное въ составѣ нашихъ проповѣдей, отражается и на произношеніи; и здѣсь вы не встрѣчаете особенной выразительности, силы и благоговѣнія, а большею частію ту же монотонность и вялость, какими вообще страдаетъ наша проповѣдническая декламация. Нужно бы возвысить голосъ, придать ему особенную энергію, когда проповѣдникъ рѣшается молитвеннымъ воззваніемъ закончить свое увѣщаніе народу: а тутъ именно ослабѣваетъ голосъ, и безъ энергіи едва слышно произносятся такіа слова, которыя бы должны потрясти души слушателей и возбудить въ нихъ глубоко-внутреннее молитвенное движеніе. Лучше не дерзать пользоваться молитвою въ проповѣди, чѣмъ молиться безъ силы, чувства и достоинства.

Х. Божественное достоинство небеснаго Учителя видно не только во внутреннемъ духѣ и характерѣ Его ученія; оно отражается и во виѣшности слова, въ тѣхъ второстепенныхъ условіяхъ его выраженія, на которыя многіе и не обращаютъ вниманія. Языкъ, напримѣръ, выраженіе мысли, повидному, простое и легкое дѣло, но не вслѣдъ въ одинаковой степени

дается его чистое, совершенное употребленіе. Въ этомъ отношеніи слово Господа, какъ оно донеслось до насъ въ евангеліи, является всесовершеннымъ образцомъ, къ которому возможное, большее или меньшее, приближеніе желательно отъ всѣхъ, въ особенности отъ проповѣдниковъ, долженствующихъ говорить языкомъ, достойнымъ своего мѣста и служенія. Смотрите же, наблюдайте теченіе рѣчи Спасителя: въ ней нѣтъ нигдѣ ни одного темнаго, неяснаго, не выразительнаго слова; не видно никакихъ искусственныхъ построений. Съ простымъ народомъ, что слыветъ черпью у образованныхъ людей, говоритъ Онъ, и слово Его отличается такою простотою, такою естественностію и удобопонятностію выраженія, что такъ прямо и кладетъ мысль въ простыя непосредственныя души слушателей. Но при этой высшей степени простоты рѣчи, какое всюду въ ней благородство, какая изящная чистота, какая священная важность! Нигдѣ нѣтъ тѣни, по которой бы слово это казалось словомъ только къ простому народу, и не соотвѣтствовало самому образованному, самому чистому вкусу. Средствами и матеріалами языка, находившимися въ употребленіи у простаго народа, пользовался Спаситель при выраженіи своихъ мыслей; но Его чистая, небесная душа своимъ дыханіемъ отстраняла отсюда всѣ тѣ сорные неопрятныя элементы, какіе даютъ видъ простоватой неуклюжести языку черни, и дѣлала изъ простаго языка самое прозрачное, самое чистое и благородное средство выраженія. Какихъ бы предметовъ ни коснулась рѣчь Спасителя,—всегда она вѣрна себѣ, всегда осуществляетъ собою законы священной серьезности, чистоты и благородства: о тайнахъ природы случалось говорить Ему, и въ этомъ случаѣ съ какою скромностію, съ какою нравственною чистотою изображаются тѣ предметы, которые и у знаменитыхъ дѣятелей слова вынуждаютъ для своего изображенія то лишнюю чувственную черту, то какую

либо соблазнительную картину. Мы не умѣемъ дать надлежащаго тона изъясненію седмой заповѣди закона Божія,—то жеманится и натуживъ языкъ, то не блюдемъ своего слова отъ соблазна и чувственности. Въ Талмудѣ на этотъ предметъ есть такія выраженія, какихъ не снесетъ наше печатное слово. Но Господь сказалъ одно слово: *всякъ, иже воззрѣтъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйства съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѣ. V, 28),—и выражена вся суть дѣла, и намъ указанъ тонъ, съ какимъ нужно говорить о дѣлѣ.

Служителямъ церковнаго слова не мѣшало бы чаще воспоминать эту простую, но священную и благородную рѣчь, какою говорилъ всегда нашъ Господь и Учитель. У насъ часто недостаетъ того золотого выраженія, которое требуется отъ проповѣдниковъ приличіемъ церковной кафедры и священною важностію тѣхъ предметовъ, о какихъ должны говорить они. Когда мы хотимъ быть понятными для неученаго народа, мы переступаемъ мѣру простоты въ своихъ стараніяхъ говорить какъ можно ближе къ его разумѣнію, и наша неразборчивость допускаетъ въ этомъ случаѣ на церковную кафедру такія слова, которыя мало приличны кафедрѣ; мы пестримъ свою рѣчь неопрытными сравненіями,—и проповѣдническая бесѣда у ревнителей популярнаго слова не имѣетъ надлежащей чистоты выраженія. Но чаще бываетъ наоборотъ: воспитанные на школьныхъ преданіяхъ, мы мало думаемъ о томъ, чтобы насъ понимали наши слушатели, и на церковную кафедру, предъ слухъ народа, не искушеннаго школою, несемъ свой школьный языкъ, сухой и туманный, испещренный не понятою терминологіею. Въ нашей проповѣднической рѣчи такъ и кишатъ толпами отвлеченныя слова, озадачивающія простую голову: «основаніе, матерія, опредѣленіе, сущность, практика», — пожалуй еще (въ послѣднее время), «принципъ, результатъ, натурализмъ, теоретическій» и прочіе неудоборазумѣваемыя

глаголы. Но это сѣмена, занесенныя въ проповѣдь съ чужаго поля: противъ нихъ не трудно сѣискать противодѣйствіе въ кругу богослововъ. А самый богословскій языкъ всегда ли безупреченъ въ этомъ отношеніи? Не образовала ли школа и въ немъ множество техническихъ терминовъ, къ которымъ мы прислушались въ школѣ, но которые такъ же непонятны для человѣка, не знакомаго съ школьнымъ богословіемъ, какъ и иностранныя слова. Мы между тѣмъ безъ разбора сыплемъ ихъ въ проповѣдническій языкъ, выступая на бесѣду съ людьми непосредственной религіозной вѣры. Всякій ли слушатель понимаетъ, что значать на языкѣ богослововъ такія выраженія: «плоть, міръ, ветхій человѣкъ, новый человѣкъ, благодатное царство, возрожденіе, оправданіе чрезъ вѣру, быть во Христѣ, ходить въ духѣ, отвергнуться себя и мірскихъ похотей» и проч. и проч.? Но обходится ли хоть одна проповѣдь безъ этихъ терминовъ, которые намъ не кажутся странными только потому, что въ школѣ съ раннихъ лѣтъ мы сдружились и освоились съ ними?.. Такъ ли говорилъ съ народомъ Господь Іисусъ Христосъ?..

Желательно было бы поучиться изъ примѣра Господа и Спасителя нашего и внѣшнему проповѣдническому дѣйствованію, тому тѣлесному приличію, какимъ должна сопровождаться рѣчь проповѣдника. Но евангеліе не даетъ намъ на этотъ разъ подробныхъ указаній. Не одни предположенія заставляютъ насъ говорить, что весь внѣшній видъ Богочеловѣка, всѣ Его движенія были отпечаткомъ величія и спокойнаго самообладанія Его духа, выраженіемъ высокаго благочестія, священной серьезности, чистоты и возвышенности Его характера. Враги Его, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, подыскивали Его недостатки; но никто изъ нихъ не могъ указать ни одной тѣни въ этомъ пресвѣтломъ ликѣ. Искусство христіанское старается постигнуть познать этого

пресвѣтлаго лика и приблизить его къ зрѣнію вѣрующаго благочестія. Мы покланяемся этому образу, какъ передаетъ намъ его церковь и искусство. Но на иконѣ мы видимъ пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, но не видимъ Его движеній, Его мины и выраженія Его очей, не видимъ Его такимъ, какимъ Онъ являлся предъ слушателями, какъ Учитель. При различныхъ обстоятельствахъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ положеніяхъ говоритъ Спаситель свои рѣчи,—то возлежа, то сидя, то стоя: на этотъ разъ у Него не могло быть единообразной манеры, по различію мѣстныхъ условій, при какихъ открывалась Его бесѣда. Наши иконы, когда представляютъ учащимъ Господа Иисуса Христа, рисуютъ Его съ поднятою вверхъ рукою. Въ такомъ представленіи есть доля исторической вѣроятности. Во времена Спасителя у іудеевъ въ синагогахъ былъ обычай, по которому, если кто желалъ учить народъ и изъяснять законъ, вставалъ и мановеніемъ или движеніемъ руки приглашалъ присутствующихъ къ слушанію рѣчи. По сказанію Дѣяній Апостольскихъ, апостолъ Павелъ, когда говорилъ съ іудеями, всегда говорилъ рѣчь, напередъ *помаавъ рукою* (XIII, 16; XXI, 40): этимъ мановеніемъ руки давалось знать, чтобы притихло собраніе и со вниманіемъ обратилось къ говорящему. Послѣ такого знака обыкновенно наступала въ собраніи глубокая тишина, позволявшая слышать каждое слово говорящаго (Дѣян. XXI, 40). Естественно предположить, что и Спаситель при своихъ бесѣдахъ съ народомъ подобнымъ возвышеніемъ и движеніемъ руки приглашалъ окружающихъ къ внимательному слушанію рѣчи. Но при этомъ, конечно, нельзя допускать того, чтобы такой жестъ сопровождалъ все теченіе рѣчи: это было бы и не удобно, да и прямо невозможно въ томъ случаѣ, когда Спаситель велъ бесѣду, возлежа по іудейскому восточному обычаю. Если какия-либо были вышніе дѣйствія Спасителя

указаны евангелистами при передачѣ Его ученія, то это возведеніе очей (Іоан. XVII, 1), задумчивый взглядъ, и въ одномъ исключительномъ случаѣ писаніе перстомъ на землѣ (Іоан. VIII, 6, 8). По этимъ даннымъ мы можемъ заключать, что у Господа и Спасителя нашего, когда слово Его выражало святыхъ мысли, только благороднѣйшее и выразительнѣйшее изъ внѣшнихъ чувствъ человѣческихъ отпечатлѣвало на себѣ движенія Его души, и что Его благоговѣніе допускало къ служенію учительнаго слова только самыя скромныя, не бросающіяся въ глаза, движенія тѣла. Если мы замѣчаемъ, что проповѣдникъ не можетъ стоять спокойно на кафедрѣ, кривляется, машетъ руками, бьетъ себя въ грудь и прибѣгаетъ къ другимъ подобнымъ насильственнымъ жестамъ, то въ этомъ должны видѣть не законное и не приличное уклоненіе отъ того образца, какой начертанъ намъ въ евангеліи. Не для церковной кафедры такія драматическія замашки, рассчитанныя на эффектъ, и не Господу Іисусу Христу подражаютъ такіе проповѣдники, а служителямъ свѣтскаго искусства. Чѣмъ скромнѣе и благоговѣннѣе будетъ внѣшній видъ человѣка на церковной кафедрѣ, тѣмъ болѣе въ своемъ внѣшнемъ приличіи онъ будетъ приближаться къ тому идеалу, какой всегда долженъ быть предъ глазами пастыря-учителя церкви Христовой.

В. Пшоникій.